

Не хочу же не вѣдѣти вамъ продолжаетъ Апостоль раскрывать тоже намѣреніе свое относительно Римской Церкви, *братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ* и пр. ст. 13.

Восхотѣхъ—*проѣдеи* предполагалъ, предпринималъ. *Возбраненъ быхъ досель*: или нуждами другихъ церквей и заботами о нихъ. или препятствіями, которыя устроились—по поущенію Божию—сатаню, чрезъ болѣзни, злыхъ людей и проч. (какъ въ 1-мъ посл. къ Солун. о подобномъ говорится 11, 18). *Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ*: это изреченіе изъясняется изъ указаннаго уже нами сравненія Апостоломъ служенія Апостольскаго съ сѣянiемъ. Чрезъ проповѣданіе и вообще Апостольское общеніе съ Римлянами, Апостоль посѣвалъ бы въ нихъ духовныя сѣмена Слова Божія и благодати, которыя въ нихъ и приносили бы свойственный ихъ роду плодъ—утвержденіе вѣры и любви ихъ, и умноженіе благодати. Апостоль усваеетъ эти плоды себѣ, *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ*,—какъ сѣятель, которому законно принадлежатъ плоды имъ посѣяннаго. *Плодъ вашъ пребудетъ* сказалъ Спаситель, посылая учениковъ—да идуť и приносятъ плодъ. Апостоль показалъ, когда онъ вполнѣ и насладится плодомъ своего Апостольскаго сѣянiя, когда говоритъ Фессалоникiйцамъ: *кто бо намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленiя? Не и вы ли предъ Господемъ нашимъ Исусъ Христомъ въ пришествіе Его* (1 Сол. 2, 19). Для изъясненія же своихъ намѣренiй, указываетъ Апостоль вообще на свои Апостольскія обязанности, не дѣлающія въ его служенiи исключенія ни для кого, слѣдовательно и ни для Римлянъ.

Еллиномъ же и варваромъ: Origenes in Rom cap. 1 v. 14. Graeci primo duabus appellationibus omne hominum censuerant genus, i. e. vel Graecum dicentes esse unumquemque, vel Barbarum; et distinctio eorum talis fuerat, ut omnis, qui Graecus non est, Barbarus haberetur. (Tomus IV, p. 471. c. Parisiis. 1759).

Долженъ есмь: этотъ долгъ впрочемъ или обязанность не есть мертвый внѣшній законъ, обязывающій Апостола. *Праведнику законъ не лежитъ*, говоритъ самъ Апостоль, *нѣсмь подъ закономъ, но подъ благодатию*, т. е. въ христіанствѣ всѣ обязанности имѣютъ духъ и значеніе благодатное, и получаютъ значеніе закона мертваго тогда, какъ не хотятъ проникнуться благодатию, заключающеюся въ этой обязанности—

духомъ любви Христовой. Потому Апостоль долженъ *Еллинамъ и варварамъ*, мудрымъ и неразумнымъ, какъ весь проникнутый благодатію своего Апостольства, какъ движимый любовію Христовою благовѣствовать всѣмъ со всѣмъ самоотверженіемъ. Впрочемъ строжайшая обязательность духовнаго закона извѣстна изъ посланія Іакова: по сему и Павелъ говоритъ: *горе ми есть аще не благовѣствую*. Апостоль *долженъ есть* по приложенію къ своему Апостольству того общаго и непреложнаго Закона Христова, какой онъ же самъ высказалъ для всѣхъ: *ни единому же ничимже должны бывайте, точію еже любить другъ друга* (Рим. XIII, 8). Сіе согласно и съ вышераскрытыми у Апостола расположеніями и намѣреніями его въ отношеніи къ Римской церкви, въ которыхъ дышетъ любовь,—и съ послѣдующимъ заключеніемъ всего этого личнаго объясненія.

Тако есть, еже по моему усердію—ἐνδύομαι—готовности, ревности, а не по мертвому закону—и вамъ суцимъ въ Римъ благовѣстити,—если т. е. еще не лично, то по крайней мѣрѣ, посланіемъ, а потомъ и лично. Къ этому заключенію естественно само собою направлялись изъясненія и расположенія и намѣренія и обязанности въ отношеніи къ Римлянамъ.

Отъ личнаго объясненія съ Римлянами, переходитъ Апостоль къ самому предмету благовѣствованія: *не стыжуся бо благовѣствованіемъ Христовымъ: сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему, Иудеи же прежде и Еллину. Правда бо Божія въ немъ является отъ вѣры еъ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ* (16—17).

Не стыжуся бо благовѣствованіемъ Христовымъ. Связь съ предыдущимъ такая: конечно въ Римѣ—какъ столицѣ—много мудрыхъ и разумныхъ, которымъ, съ ихъ самонадѣянною мудростію, благовѣствованіе о Христѣ насъ ради распятомъ, покажется безуміемъ—много презирающихъ Иудеевъ ¹⁾, а, слѣдовательно, могущихъ пренебречь словомъ о Христѣ, бывшемъ отъ сѣмени Давидова, и тѣмъ, кто посвятилъ всего себя на служеніе сему слову;—и изъ самихъ христіанъ моглиныя еще не возвыситься къ тому, чтобы предъ всѣмъ міромъ не стыдиться Христа распятаго и Его проповѣдниковъ; есть, конечно, и Иудеи соблазняющіеся Христомъ; но я не

¹⁾ Извѣстно, что Иудеевъ язычники имѣли довольно не въ почетѣ.

колеблюсь въ готовности проповѣдывать и вамъ—Римлянамъ — не стыжуся бо благовѣствованіемъ Христовымъ. Подъ благовѣствованіемъ Христовымъ опять какъ въ 1 и 2 ст. объ-емлется и самый предметъ благовѣствованія, и разумѣется вообще вся тайна нашего спасенія во Христѣ, открытая Апостолу для проповѣдыванія ея міру,—какъ видно изъ послѣдняго.

Сила бо Божія есть во спасеніе, т. е. въ сей благовѣствуемой мною тайнѣ содержится спасающая сила Божія, или предлагается спасеніе—силою Божіею всякому вѣрующему: только бы не отвергали, а принимали оную тайну съ вѣрою и покорностію,—въ ней предлагается спасеніе для всякаго такого безъ различія между тѣми и другими.

Иудеи же прежде и Еллину. Иудею и Еллину: какъ выше раздѣленіе людей на Еллиновъ и варваровъ взято по взгляду Грековъ,—такъ здѣсь раздѣленіе людей на Иудея и Еллина—по отношенію прочихъ народовъ именно къ Иудеямъ. Язычскій народъ въ сіи времена, съ распространеніемъ между ними и языка и образа мыслей Еллинскаго, и вѣрно и выразительно подведенъ подъ одно общее названіе Еллиновъ. *Прежде:* что симъ не усвоится какого либо преимущества Иудеямъ предъ язычниками въ дѣлѣ спасенія, это видно и здѣсь изъ выраженія: *всякому вѣрующему*, и изъ всего послѣдующаго ученія Павлова. Такъ выразился Апостоль или для порядка рѣчи, какъ часто употребляется въ рѣчи такой оборотъ: *и во первыхъ*—безъ всякаго предпочтенія прнятія, которое предварено симъ *во первыхъ* предъ послѣдующими, или потому, что Иудеямъ прежде по времени было предложено спасеніе Самимъ Господомъ и Его учениками,—или наконецъ потому, что Иудей, которымъ даны были обѣтованія, и которые составляли церковь Божію до христіанства въ ней и возникшаго, должны быть по самому существу дѣла и по праву первые участники спасенія,—спасеніе должно составить ихъ собственность напередъ язычниковъ, какъ къ нимъ сначала и обращались проповѣдники (Дѣян. XIII, 40). Подобно: *мы проповѣдуемъ Христа распята, Иудеямъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самѣмъ же званымъ Христа Божію силою и Божію премудростю.* Итакъ Апостоль, указывая здѣсь на сущность благовѣстуемаго имъ христіанства вообще, уже обращается къ болѣе частному предмету изъ общаго ученія

христіанскаго о спасеніи,—къ истинѣ спасенія безразлично Іудея и Еллина.

Правда бо Божія является въ немъ отъ вѣры въ вѣру. *Правда Божія*, противопологаемая правдѣ собственно законной (Фил. 3, 9) правдѣ, которую хотѣли бы поставить Іудеи какъ свою (Рим. X, 3), исполняя законъ,—есть, какъ видно изъ этихъ мѣстъ, по отношенію къ Богу оправданіе, сообщаемое и усвоиваемое внутренно вѣрующему благодатію, (Рим. X, 3, *правдѣ Божіей не повинуюся*) по отношенію къ самому вѣрующему, слѣдовательно, есть праведность благодатная, получаемая и содержимая имъ въ самомъ духѣ и истинѣ. (Филип. III, 9, *не имый моя правды, но яже вѣрою І. Христовою сущую отъ Бога правду* и далѣе указывается на духовное совершенство и праведность). Такъ или иначе опредѣлять будемъ эту правду,—скажемъ, очевидно, одно и то же.

Въ немъ, т. е. въ Евангеліи, или въ проповѣдуемой Апостоломъ тайнѣ спасенія. *Является* — ἀποκαλύπτεται — открывается, т. е. или въ Евангеліи представляется, предлагается для принятія вѣрою, или, въ немъ усвояемая вѣрою, проявляется въ духѣ вѣрующаго: первое приличнѣе разумѣть по отношенію къ предыдущему понятію Евангелія, другое по отношенію къ послѣдующему: *отъ вѣры* и затѣмъ слѣдующей мысли: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*.

Отъ вѣры въ вѣру—ἐκ πίστεως εἰς πίστιν.—Сіе выраженіе толкуется различно—или сличаютъ съ параллельнымъ мѣстомъ: 3,22 и говорятъ, что Апостоль хотѣлъ этимъ словомъ показать и способъ оправданія предъ Богомъ, и то, кому оно принадлежитъ, какъ бы Апостоль и здѣсь такъ сказалъ: *посредствомъ вѣры для вѣрующаго*. Мысль вѣрная. Но выраженіе ея представляется не довольно естественнымъ: *отъ вѣры въ вѣру*. Оригенъ и Августинъ—понимаютъ—*изъ вѣры*, т. е. Ветхозавѣтной, Іудеевъ, пророковъ вѣры по обѣтованію *въ вѣру*, т. е. Новозавѣтную, Христіанъ изъ язычниковъ. И опять нечего говорить противъ самой мысли. Но трудно согласиться, чтобы такую частную мысль Апостоль выразилъ такъ общо и неопредѣленно. По самому составу этого изреченія Апостола—*правда Божія является отъ вѣры въ вѣру*—естественнымъ представляется въ немъ такой смыслъ: правда благодатная открывается отъ вѣры и въ вѣрѣ, — вся сущность ея условливается вѣрою, такъ что она и пріемлется

вѣрою и содержится, исполняется въ вѣрѣ же. Это изъясненіе подтверждается и послѣдующимъ: праведный отъ вѣры живъ будетъ, т. е. и правда и жизнь, спасеніе у него держится на вѣрѣ,—подтверждается и подобнымъ мѣстомъ, Фил. III, 9: *την διὰ πίστεως Χριστοῦ, ἣν ἐκ Θεοῦ δικαιοσύνην ἐκίτη* въ вѣрѣ (*eis*), и далѣе показывается сущность благодатной праведности или жизнь благодатной праведности—вся основывающаяся на вѣрѣ и состоящая въ вѣрѣ дѣятельной (ст. 10 и 11). По сличенію разсматриваемаго мѣста съ подобными по выраженію псал. 83, 8 и 2 Кор. 3, 18—представляется въ немъ та мысль, что праведность, въ началѣ приемлемая вѣрою, и возрастаетъ и раскрывается полнѣе—съ большимъ возрастаніемъ вѣры и къ большому ея укрѣпленію: соответственно восхожденію по степенямъ праведности, бываетъ восхожденіе по степенямъ вѣры. Но съ предшествующимъ это толкованіе удобно совмѣщается.

Мысль, что правда Божія въ Евангеліи предлагаемая—и приемлется вѣрою, и содержится въ вѣрѣ, а потому и служить къ укрѣпленію вѣры и съ нею вмѣстѣ возрастаетъ—не представляетъ затрудненій: Богъ предлагаетъ Свою правду, какъ извѣстно, во Христѣ, Который потому и называется нашею правдою,—людямъ остается только покоряться этому благоволенію и благодати Божіей,—усвоивать эту благодатную правду своему духу,—словомъ,—вѣровать во Христа отъ всей души и дѣятельнымъ образомъ. При понятности мысли въ этомъ изреченіи заключающейся, ясна и вѣсловная связь его съ предъидущимъ: спасительная сила Божія, предлагаемая въ Евангеліи (о которой говорится въ 16 ст.), и состоитъ въ благодатной правдѣ, усвоиваемой вѣрою (17); грѣхъ погубилъ людей, слѣдовательно, правда спасаетъ.

Высказавъ истину о благодатной правдѣ по вѣрѣ прямо и опредѣленно въ самомъ началѣ посланія, Апостоль,—чтобы съ перваго же разу не возбудить къ себѣ недоувѣрчивости въ нѣкоторыхъ, напр., въ христіанахъ закономъ истины, которая одна даетъ помыслить надлежащее направленіе, но блуждающаго въ своихъ произвольныхъ представленіяхъ, или развлекаемаго и направляемаго только внѣшними своими впечатлѣніями, въ семъ мѣстѣ разумѣется то и другое въ отношеніи къ Богу. *Ομραχίσησθε ἄλογον καρδίαν*

ихъ: состояніе сердца неуправляемаго и непросвѣщаемаго правою мыслью, и потому безпорядочнаго и бессмысленнаго, слѣпота въ самыхъ своихъ религіозныхъ потребностяхъ и стремленіяхъ. Итакъ очи духовные, — очи ума и сердца, которыми надобно созерцать истину о Богѣ, представляемую въ твореніяхъ, были у язычниковъ подобными чувственнымъ глазамъ тѣхъ людей, которымъ представляется все кружащимся—самые твердые и постоянные даже предметы, которымъ самый свѣтъ кажется туманомъ или даже тьмою. Это могло произойти, очевидно, не иначе, какъ подъ условіемъ глубокаго нравственнаго и духовнаго ихъ упадка. *Глаголющія быти мудри, обюродѣша*. Отсюда видно, что не вслѣдствіе невѣжества, или недостатка мірскаго мудрости, произошло язычество, напротивъ мірская мудрость свойственная безъ сомнѣнія тѣмъ временамъ, надмевала язычниковъ, ослѣпляла ихъ гордостью и самонадѣяніемъ, что и была рѣшительною послѣднею причиною этого чрезвычайнаго безумія—служенія твари вмѣсто Творца. Чтобы эта Апостольская мысль не была и не казалась сколько-нибудь затруднительною, надобно обратить вниманіе вотъ на что: если въ настоящемъ состояніи рода человѣческаго мудрые, особенно поражаемые всюду въ мірѣ видимыми явленіями и распоряженіями ума и духа Божественнаго,—не яко Бога прославляютъ и благодарятъ Его, но обожаютъ самыя эти явленія ума въ мірѣ, взятыя сами въ себѣ: то въ такомъ состояніи людей, когда воображенія и чувства особенно были живы—при томъ же духовномъ настроеніи ослѣпленія сердечнаго и суеты помысловъ, что мудренаго, если, живо поражаемые видимыми всюду образами силы Божественной, люди глаголющія быти мудри, славу нетлѣннаго Бога премѣнили въ образы тлѣнныхъ предметовъ?

Ст. 23. Апостоль къ яснѣйшему обличенію, какъ истина о Богѣ была низвержена, указываетъ на обожаніе особенно даже близкихъ и обыкновенныхъ—какъ человѣкъ, и птицы, даже низкихъ предметовъ, каковы въ особенности гады. Выраженіе *въ подобіе образа* и проч. показываетъ, что Апостоль имѣетъ здѣсь въ виду язычество въ формѣ идолопоклонства. Обожаніе истукана есть болѣе грубая и паразитическая ложь, нежели обоготвореніе природы.

Раскрывъ преступность язычниковъ прямо предъ Богомъ,

Апостоль далѣе указываетъ какъ на слѣдствіе того, на растлѣнность ихъ самихъ въ себѣ (24—27), и на потребности ихъ главнымъ образомъ относительно другихъ (28—31).

Производя то и другое отъ нарушенія обязанностей къ Богу, Апостоль выражается такъ: *тѣмъ же и предаде ихъ Богъ* (24). *Сего ради предаде ихъ Богъ* (ст. 26 и 28). Видно, что Апостоль выражаясь такъ, въ растлѣнности язычниковъ самихъ въ себѣ, и въ неправдахъ ихъ противъ ближнихъ—видитъ и указываетъ явленіе гнѣва Божія на язычниковъ за забвеніе объ истинномъ Богѣ, какъ о томъ же и прямо говоритъ онъ: *и возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще* ст. 27. Слѣдуетъ однакоже ни мало не уменьшаетъ онъ собственной вины язычниковъ и въ этихъ двухъ видахъ преступности ихъ—въ отношеніе къ себѣ и къ ближнимъ, ибо на сіи послѣдніе, также какъ и на нарушеніе обязанности въ отношеніи къ Богу, указываетъ Апостоль вообще въ обличеніе міра языческаго въ преступности и повинности предъ Богомъ,—да и прямо онъ говоритъ (ст. 32) *таковая творящии*, т. е. относительно Бога и самихъ себя и ближнихъ, достойны смерти суть. Нужно объяснить, какимъ образомъ въ растлѣнности язычниковъ самихъ въ себѣ и неправдахъ противъ ближнихъ, по Апостолу, открылись и гнѣвъ Божій или наказаніе имъ за служеніе твари вмѣсто Творца и новое явленіе собственной ихъ порочности, достойное новаго наказанія.

Апостоль Павелъ, и въ отношеніи къ нравственности человѣческой, представляетъ Бога неограниченнымъ Владыкою, побѣдоноснымъ и всевластнымъ въ судахъ своихъ. Онъ Самъ творитъ въ людяхъ добро, или располагая къ оному покорныхъ—предваряющею благодатію, или совершая оное въ преданныхъ—благодатію, усвоенною имъ и дѣйствующую въ нихъ. Онъ предаетъ злу и пороку, отнимая свою силу у отвергающихъ оную, или вовсе не подавая ее противящимся. Такимъ образомъ и въ каждомъ худомъ дѣлѣ челоуѣка открывается вмѣстѣ и явленіе гнѣва Божія на немъ за противленіе и произвольную преступность челоуѣка. И когда челоуѣкъ предается такому пороку, который подрываетъ въ душѣ его, кромѣ противоположной сему пороку добродѣтели, много другого добраго, и, такимъ образомъ, ве-

детъ ко многимъ новымъ порокамъ; то въ происходящихъ симъ образомъ отъ перваго порока новыхъ видахъ зла и порочности открывається вмѣстѣ и особенная преступность и виновность самаго человѣка; ибо онъ своимъ порокомъ отвращаетъ отъ себя благодать Божію, и на послѣдующую свою дѣятельность,—заранѣе носить въ себѣ и приводитъ въ зрѣлость предрасположеніе къ другимъ порокамъ и грѣхамъ, которому и имѣеть предаться съ необузданностію,—и также особенный на него гнѣвъ и наказаніе Божіе за первый важный грѣхъ; ибо Богъ предварительнымъ отъятіемъ отъ человѣка своей благодати на будущую его дѣятельность, тѣмъ самымъ тоже заранѣе осуждаетъ или предаетъ его новымъ порокамъ. Именно это послѣднее и случилось, по Апостолу, надъ язычниками. Своимъ суетнымъ умомъ и омраченнымъ сердцемъ они не замѣчали или сложно представили себѣ Самаго Источника и Подателя всякаго истиннаго блага—Бога, и, слѣдовательно, преотвращали отъ себя, и на будущее время всякую благодать въ той мѣрѣ, въ какой мѣрѣ превратно понимали и чтили Божество. И Богъ, при отступленіи ихъ отъ Него, когда Онъ былъ столь близокъ и столь ощутительно открытъ имъ,—въ наказаніе за это отвергъ ихъ отъ Себя и отъ Своей благодати, *и предаде ихъ Богъ* въ послѣдующей ихъ дѣятельности собственному ихъ превратному уму и похотливому сердцу. Это явленіе великаго гнѣва и наказанія Божія на нихъ,—въ этомъ изрекался на нихъ приговоръ, отвергающій ихъ въ дальнѣйшую глубину зла. Ибо безъ Бога и Его благодати нельзя исполнить обязанности не только въ отношеніи прямо къ нему, но и къ самому себѣ и ближнимъ. Но, съ другой стороны, язычники отступленіемъ отъ Бога сами воспротивились всецѣло Его благодати, и, значить, сами отвратили отъ себя благодать и на послѣдующую свою дѣятельность, и потомъ неудержимо увлекались къ новымъ порокамъ своимъ же развращеннымъ умомъ и сердцемъ, заранѣе отвергнувшими обуздывающую десницу Божію. Очевидна, такимъ образомъ, и собственная ихъ преступность и повинность предъ Богомъ въ усиленномъ при томъ видѣ. Вообще сказать: Богъ язычниковъ, не восхотѣвшихъ, чтобы Онъ царствовалъ надъ ними къ ихъ благу и спасенію,—въ наказаніе за сіе предать ихъ мятежному ихъ духу—въ послѣдующей ихъ судьбѣ

и дѣятельности,—оставилъ ихъ ходить *своими* путями, превратными и гибельными и тѣмъ еще болѣе собирать на себя гнѣвъ Его.

Съ разрѣшеніемъ представившагося затрудненія въ семь мѣстѣ, удобно можетъ быть прояснено и то, какъ именно Апостоль отъ забвенія истины Божіей и поклоненія твари вмѣсто Творца производитъ въ языческомъ мірѣ новыя виды зла и грѣха. Для сего напередъ должно взять во вниманіе то, что Апостоль 1) вообще указываетъ соотвѣтствіе между заблужденіемъ обоготворенія твари и послѣдующимъ развращеніемъ язычниковъ—какъ-то ясно видно въ особености изъ 28 ст. *не искусши имѣти Бога въ разумъ — предаде ихъ Богъ въ неискусехъ умъ.* 2) Нечистоту язычниковъ самихъ въ себѣ Апостоль производитъ ближайшимъ образомъ отъ похотей сердца (ст. 24), а неправды и непотребства относительно другихъ—отъ ума превратнаго (ст. 28). Основываясь на соображеніи этихъ двухъ обстоятельствъ, и можно составить такое общее изъясненіе сего мѣста: своими омрачающими похотями и неуправляемымъ разумомъ и сердцемъ язычники доведены были или дошли до того, что свѣтъ Божества, открывающійся изъ разсмотрѣнія тварей, въ себѣ обратили въ мракъ, представляющій самую твари Божествами и возблагословѣли предъ ничтожными тварями вмѣсто Бога, благословеннаго во вѣки: отрешившись, такимъ образомъ, отъ Бога сердце язычника, и было отринуто отъ Него, и вслѣдствіе этого ничѣмъ не обуздываемое въ своихъ похотяхъ,—привело язычника въ такое растлѣнное состояніе, что онъ, затемнивъ для себя значеніе внѣшней природы, совершенно низвергнулъ своимъ развратомъ и собственную природу, и унизилъ славу и величіе Бога; отвратительно сквернилъ себя безчестными противоестественными даже похотями,—и, такимъ образомъ, получалъ самъ въ себѣ, самъ себѣ воздавалъ достойное возмездіе за свое заблужденіе, и между тѣмъ еще болѣе—становился достойнымъ гнѣва Божія и смерти.

Такъ вообще можно изложить мысли 24—27 ст. Выраженіе: *преимъниши истину Божію во ложу—ἀληθείαν τοῦ Θεοῦ*—будемъ ли понимать такъ, что истинное понятіе о Богѣ обратили въ ложное, или просто истину Богомъ откровенную, принадлежащую Богу, какъ Самой Истинѣ, злоупотребили

такъ, что у нихъ на мѣсто ея осталась одна ложь; очевидно въ обѣихъ случаяхъ мысль удерживается въ существѣ своемъ таже. Истину Божию—истину о Богѣ, открываемую Богомъ, своимъ вдавшимся въ суетныя умствованія умомъ, язычники не искусили, не имѣли благоразумія и искусства—надлежащимъ образомъ познать Бога, а признали за Божество твари: то отрекшись своимъ умомъ отъ истины Божіей, и преданы были отъ Него сему же самому *неискусному—σβοήμιον—уму*, и отсюда произошли въ нихъ всякія злыя помысленія и дѣла—неправды, блуженія, лукавства, лихоиманіе и прочіе виды неправды, главнымъ образомъ противъ другъ друга. Такъ можно изъяснить общую мысль 20—31 ст. Выраженіе имѣть Бога въ разумѣ—*τὸν Θεὸν ἔχειν ἐν ἐπιγνώσει*—по употребленію подобнаго выраженія въ греческ. значить тоже, что признать Бога—*ἐπιγνώσει τὸν Θεόν*, усвоить открываемое или внушаемое познаніе с Немь.

Въ заключеніе изъясненія этого отдѣленія посланія, въ правило и образецъ христіанскаго мышленія и изслѣдованія выставимъ на видъ то, что Апостоль въ исторіи самой нравственности міра языческаго открываетъ во 1-хъ, строго послѣдовательный ходъ, или, если угодно, развитіе нравственныхъ сѣмянъ, соотвѣтственное роду ихъ, во 2-хъ, указываетъ такой именно послѣдовательный въ семь порядокъ, что и свобода человѣческая представляется ни мало никогда не стѣсняемою чрезъ мнимую или въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительную историческую необходимость и потому находящеюся подъ отвѣтственностію за всѣ свои дѣла и воззрѣнія, и Богъ является верховнымъ властителемъ и устройтелемъ нравственнаго міра, такъ что всякія измѣненія въ ономъ—даже виды растлѣнія человѣческаго—происходятъ по Его мановенію.

Изображеніе растлѣнности міра языческаго Апостоль по-полняетъ сею новою чертою: *нѣцые же и оправданіе Божіе зумѣвши, яко таковая творящїи достойни смерти суть, не точїю сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (32).

Нѣцые (οἵτινες)—этимъ же словомъ начинается и 25 ст., въ которомъ продолжается рѣчь о язычникахъ; значить и въ 32 ст.—рѣчь идетъ еще о нихъ же.

*Оправданіе Божіеразумѣвши—τὸ δικαιῶμα*¹⁾ τοῦ Θεοῦ ἐπιγνώτες.

¹⁾ *Τὸ δικαιῶμα* осужденіе, судъ Божій см. Апок. XV, 4.

Διχαίωσα τοῦ Θεοῦ—сіе выраженіе 70 толков. употребляли вообще о Богоданномъ законѣ съ его обѣтованіями и угрозами. Напр. Исх. XV, 25, 26. Лев., XXV, 18. Относительно язычниковъ это выраженіе указываетъ, конечно, на тотъ законъ, о которомъ говорится во 2, 14: Законъ Божій естественный, внятно предписывающій и язычникамъ дѣлать доброе и избѣгать зла—подъ страхомъ отвѣтственности въ случаяхъ нарушенія этихъ предписаній. На это послѣднее и указываетъ далѣе Апостоль, опредѣляя оное оправданіе Божіе: *яко таковая творящии достойни смерти суть—таковая творящии*, т. е. дѣлающіе всѣ тѣ проступки и грѣхи, о которыхъ выше говоритъ Апостоль—всякое нечестіе и неправду. *Достойни смерти суть*, т. е. подлежатъ вообще заслуженной казни или гибели. См. VI, 23. Во 2 ст. слѣдующей главы тоже выражено такъ: *ἐπιμυς ἕνεκεν, ὡς κριτὴς τοῦ Θεοῦ ἐστὶν ἐπὶ τοῖς ποιηταῖς ταύτης*. Не говоря уже о другихъ доказательствахъ, что язычники точно въ естественномъ нравственномъ законѣ болѣе или менѣе слышали это опредѣленіе грѣшниковъ къ смерти, достаточно въ подтвержденіе сего указать на всѣ напр. гражданскіе законы въ языческомъ мірѣ, присуждающіе наказаніе иногда прямо смертію за проступки, или на осужденіе другихъ,—на что далѣе самъ Апостоль указываетъ.

Не точію сами творять, но и соизволяютъ творящимъ. Св. Златоустъ замѣчаетъ, что соизволятъ творящимъ злое, въ другихъ одобрятъ грѣхъ гораздо хуже, чѣмъ самому грѣшнику. Въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ самъ дѣлаетъ извѣстный порокъ, то онъ возбуждается къ тому или страстию, или выгодами и пріятностію грѣха и другими побужденіями, нѣкоторымъ образомъ ослабляющими вину его грѣховности; а когда онъ соизволяетъ грѣшнику,—одобряетъ и подтверждаетъ его злодѣяніе, то вина въ немъ уже безусловная, сама въ себѣ имѣющая основаніе свое, склонность грѣху. Итакъ новая черта преступности предъ Богомъ язычниковъ—есть ихъ грѣхъ и неправда, состоящая въ сочувствіи пороку—безотносительно къ стороннимъ побужденіямъ, и при томъ допускаемая съ сознаніемъ того, яко таковая творящии достойни смерти суть.

Послѣдующія слова Апостола, гдѣ онъ представляетъ судъ Божій, неминуемо грозящимъ всякому, кто, сознавая обязанность творить благое, дѣлаетъ однако злое (11, 1—16),

составляютъ вмѣстѣ и заключеніе для предшествующаго изображенія грѣховности язычниковъ, почему слѣдующая глава и начинается какъ выводъ изъ прежде сказаннаго: *сего ради безответенъ* и проч. и вступленіе въ изображеніе преступности и повинности Богу Іудеевъ; почему обличительная рѣчь въ этомъ отдѣленіи клопится отъ язычниковъ болѣе и болѣе къ Іудеямъ, начиная съ 1-го стиха: *о человѣче, всякъ судяй*. Человѣкъ, кто бы ты ни былъ судящій (ср. ст. 21—23, ст. 9—11 и 13),—такъ что Апостоль незамѣтно переходитъ и къ прямому обличенію Іудеевъ; се ты Іудей именуешься и пр. Здѣсь Апостоль сначала указываетъ въ самихъ же людяхъ грѣшникахъ—доказательство на то, что имъ грозитъ судъ Божій (1—5), а потомъ опредѣляетъ и уясняетъ самый судъ этотъ (6—16).

Сего ради безответенъ еси, о человѣче всякъ судяй: имъ же бо судомъ судиши друга, себѣ осуждаеши: таяжде бо твориши судяй. Въмы же, яко судъ Божій есть поистиннѣ на творящихъ таковая (1.—2). Сего ради: ближайшая связь съ предъидущимъ—конечно не та, что поелику соизволяютъ язычники творящимъ злое, то и безответенъ и проч. ибо въ сей послѣдующей рѣчи Апостоль имѣетъ дѣло не съ соизволяющими творящимъ, но съ осуждающими ихъ,—но та, что поелику оправданіе Божіе извѣстно, яко таковая творящія достойны смерти суть, сего ради безответенъ всякъ судяй—и творя самъ таяжде. Связь естественная и подтверждаемая 2-мъ стихомъ!

О человѣче, всякъ судяй—ὁ ἄνθρωπε, πᾶς ὁ κρίνων. Нѣкоторые думаютъ, что Апостоль здѣсь разумѣетъ въ особенности судей и властелиновъ, а другіе полагаютъ, что онъ имѣетъ въ виду однихъ Іудеевъ. Но общность выраженія: *человѣкъ всякъ судяй*, и дальнѣшія вразумленія и обличенія Апостоломъ судящихъ ближняго—безъ всякаго особеннаго примѣненія къ судьямъ или Іудеямъ (ст. 3—5) не даютъ право ограничивать понятіе *человѣка судящаго*, къ которому Апостоль обращаетъ рѣчь или судьями и властелинами, или Іудеями. Вображая же предъидущее, гдѣ Апостоль раскрываетъ грѣховную растлѣнность язычниковъ, постепенно возрастающую,—и дальнѣшій ходъ рѣчи, примѣтно направляемый къ обличенію и Іудеевъ, можно сказать, что Апостоль здѣсь съ одной стороны представляетъ новый опытъ пре-

ступности язычниковъ, осужденіе другихъ, показывающій безнадежность исправиться имъ самимъ по себѣ,—и самую открытую повинность ихъ предъ Богомъ: *безотвѣтенъ еси всякъ судьяй* ¹⁾; а съ другой—незамѣтно начинаетъ обличать самихъ Іудеевъ, въ ихъ отвращеніи отъ язычниковъ, какъ отъ осужденныхъ и отверженныхъ грѣшниковъ, указывая въ этомъ признакъ крайней и ихъ растлѣнности и безотвѣтности. Далѣе Апостоль прямо указываетъ, что онъ имѣеть въ виду Іудея и Еллина вмѣстѣ ст. 9 и 10. Итакъ Апостоль говоритъ: кто бы ты ни былъ человѣкъ осуждающій другихъ — язычникъ или Іудей... *имже судомъ судиши друга, себе осуждаеши*: потому что въ осужденіи другого ты выражаешь то общее оправданіе Божіе, что дѣлающіе худыя и грѣховныя дѣла достойны смерти и осужденія, а ты самъ въ тѣхъ же грѣхахъ, которые осуждаешь въ другомъ ²⁾).

Таяжде бо твориши судьяй: какъ при всеобщей грѣховности, совѣсть всякаго человѣка можетъ уличить его если не въ дѣлѣ, то въ расположеніи или предрасположеніи ко всякому грѣху: такъ Апостоль созерцая эту всеобщую грѣховность во свѣтѣ Духа истины, положительно утверждаетъ, что судящій другого, и самъ дѣлаетъ тоже, въ чемъ осуждаетъ ближняго. Объ осуждающемъ ближняго тѣмъ понятнѣе этотъ положительный отзывъ: *тая твориши судьяй*, что, осуждая другихъ, онъ расторгаетъ должныя отношенія свои и къ Богу; ибо похищаетъ у Бога принадлежащее Ему Единому, какъ законодательное право Судіи—*ты кто еси судьяй ближняго твоего? Своему Господеви стоитъ и падаеть*,—и къ ближнимъ; ибо безъ призванія поражая другихъ судомъ и осужденіемъ, онъ показываетъ отсутствіе въ своемъ сердцѣ любви къ ближнему, которой свойственно покрывать чужіе недостатки;—а вмѣстѣ обнаруживаетъ безпечность и невниманіе къ собственному грѣ-

¹⁾ Прим. Въ памяти самой образованности язычниковъ тѣхъ временъ мы находимъ памятники и этого гордаго суда надъ другими, иногда людей самыхъ непорочныхъ (Саллюстій).

²⁾ Примѣч. Безъ прямого означенія, кого именно Апостоль разумѣетъ подъ судящимъ, учить о гибельности осужденія другихъ прилично Апостолу и по свойству духовной жизни такъ говорить по самому долгу и по нуждѣ о недостаткахъ другихъ, чтобы притомъ не осуждать кого либо вопреки Заповѣди Христовой, и по предосторожности, чтобы поучаемые не впади въ грѣхъ осужденія другихъ, а внимали бы себѣ самимъ.

ховному состоянію; ибо при семь вниманіи къ самому себѣ,—довольно было бы заниматься самимъ собою и скорѣе можно себя считать хуже другихъ, нежели ихъ судить. Слѣдовательно, судяй какой бы ни было грѣхъ другого противъ ли прямо Бога или ближнихъ или самого себя,—въ тѣхъ же грѣхахъ становится и самъ виновентъ. Итакъ *судящій* другихъ—и по нахожденію въ немъ самомъ сѣмянъ всякаго грѣха болѣе или менѣе прозябающихъ,—и по злымъ расположеніямъ, какія въ немъ необходимо предполагаются, какъ источникъ грѣха— осужденія другихъ,—по нравственному направленію осуждающаго, дѣлающему его неисправленнымъ въ порокахъ, какъ замѣчаемыхъ имъ не въ самомъ себѣ, а въ другихъ,—судяй справедливо признается отъ Апостола *творящимъ таяжде*, что онъ осуждаетъ въ другихъ. Посему и Спаситель осуждающаго другихъ уподобляетъ человѣку, который видитъ въ глазѣ другого сучецъ, а у себя не замѣчаетъ даже бревна.

Вѣмы же, продолжаетъ Апостоль подтвержденіе той же мысли, яко *судъ Божій есть поистиннъ на творящихъ такова ст. 2.*

Вѣмы: судя по общности мысли, объ извѣстности которой говорится, не имѣешь причины относить это вѣденіе только лично къ Апостолу. Думаютъ, что Апостоль говорить по крайней мѣрѣ это отъ лица Іудеевъ, какъ въ III, 9 ст. *преимъемъ ли?* Но мы предъ этимъ видѣли, что не основательно представлять рѣчь Апостола, въ семь мѣстѣ, обращеннаго только къ Іудеямъ; а 32-й ст. 1-ой гл. показываетъ, что и язычники разумѣли же въ нѣкоторой степени то оправданіе Божіе, что творящіе злыя дѣла подлежатъ гибели; да и самое осужденіе другихъ есть знакъ того, что судящій кто бы ни былъ самъ знаетъ, что творящіе то достойны осужденія, отъ чего онъ и становится безотвѣтнымъ. Значить сіе—вѣмы—равносильно словамъ: вообще всѣмъ извѣстно.

Судъ Божій есть поистиннъ на творящихъ такова ст. Судъ Божій (хрѣца вм. *катахрѣца)* на грѣшныхъ состоитъ въ томъ, что сіи грѣшныя признаются отъ Бога достойными смерти и гибели, такъ сказано въ послѣднемъ ст. 1-ой гл. Извѣстно, что во всей силѣ этотъ судъ Божій откроется въ рѣшительномъ исполненіи уже въ послѣднее пришествіе Христово, какъ видно изъ 5 и 8 ст. при слич. съ 16 ст.

по временнымъ и начинательнымъ проявленіямъ своей грозной силы онъ есть и теперь, какъ гнѣвъ открывающійся на всякое нечестіе и неправду и есть *поистиннѣ* праведенъ; поелику грѣшники оказываются виновными въ грѣхахъ при побужденіяхъ и способахъ избѣгнуть ихъ, какъ то раскрылъ Апостоль выше касательно язычниковъ и ниже раскроетъ касательно Іудеевъ.

Теперь такъ можно въ общей связи изложить мысли, разбираемья въ двухъ стихахъ.

Въ сознаніи того, что грѣшныя достойны осужденія и гибели, ты судишь ближняго—какъ бы такъ говорить Апостоль—но самъ ты осуждаешь самъ себя; ибо дѣлаешь навѣрное тоже, если не внѣшне, то внутренне,—и, по крайней мѣрѣ, дѣлаешь тоже чрезъ самое осужденіе другихъ; и значитъ, признавая судъ и осужденіе Божіе праведнымъ относительно другихъ, тѣмъ подвергаешь и самъ себя тому же суду. Извѣстно, и ты самымъ осужденіемъ другого свидѣтельствуешь, что такіе грѣшники, каковъ и ты, справедливо подлежатъ осужденію. Такъ нѣтъ тебѣ извиненія, и по твоему же суду—Іудей-ли ты или язычникъ.

Послѣ сего понятны, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, слѣдующія мысли Апостола о томъ же предметѣ ст. 3: или ты думаешь, что осуждая другого за худыя дѣла, и тѣмъ свидѣтельствуя въ отношеніи къ грѣшникамъ непреложность суда Божія,—самъ, виновный въ томъ же самомъ, избѣгнешь однако суда и гибели. Доказательство выше—изложенной мысли *ab absurdo*.

Ст. 4. Подлинно велика благодать, кротость и долготерпѣніе Божіе, какъ бы такъ говорилъ Апостоль—что прежде осужденія и наказанія тебя грѣшника—Онъ далъ и тебѣ познать праведность и непреложность осужденія грѣшниковъ. Онъ, по правосудію могъ бы поразить тебя своимъ грознымъ судомъ, какъ скоро ты допустилъ нечестіе или неправду; но Онъ долготерпитъ. Высочайшая Его святость и чистота не терпитъ нечистоты и порока; но гнѣвъ Его не воспламененъ еще на тебя—такъ Господь кротокъ. Ясно, что чрезъ это благодать Божія возбуждаетъ тебя заняться своимъ состояніемъ, даетъ тебѣ познать собственную твою опасность погибнуть,—твою повинность предъ Богомъ,—словомъ ведетъ къ покаянію. Или ты пренебрежешь этимъ бо-

гатствомъ благодти и долготерпѣнія Божія къ тебѣ, что, и созная праведный судъ Божій на грѣшныхъ,—не смотришь на себя, что видишь и признаешь только грѣховность и гибельность другихъ. Такъ, по самому свойству сего грѣха—осужденія другихъ, Апостоль представляетъ, сколь очевидно такой грѣшникъ подлежитъ непреложному суду Божію.

Ст. 5-й. Въ этомъ стихѣ потребно прояснить напередъ нѣкоторыя понятія, взятыя отдѣльно отъ общаго хода рѣчи. *Собираеши себѣ гнѣвъ Божій*; какъ въ предъидущей главѣ самыя нравственныя дѣла—развращеніе и пороки людей представлены слѣдствіемъ того, что Богъ предалъ сему извѣстныхъ людей; ибо Онъ самовластно отъемлетъ у людей Свою руководительную и вспомошествоющую десницу, безъ которой неизбѣжны для нихъ развращеніе и пороки: такъ въ семь мѣстѣ—люди представлены сами приготавливающими и устрояющими или собирающими на себя гнѣвъ Божій; потому что лишеніе благоволенія и помощи Вышнія, казнь и всѣ виды гнѣва Божія происходятъ отъ противленія самихъ же людей Богу. И какъ тамъ *предачіемъ* отъ Бога язычниковъ собственному ихъ нечестію и неправдѣ, не исключаетъ въ нихъ произвольности и свободы; такъ и здѣсь собраніе осуждающими ближнихъ гнѣва Божія на себя—исключаетъ того, что гнѣвъ Божій или осужденіе Богомъ грѣшныхъ есть всевластное Его дѣйствіе. При разсматриваніи же этого мѣста въ соображеніи съ ближайшимъ контекстомъ, видно противоположеніе выраженія: *собираеши на себя гнѣвъ Божій*—словамъ въ предшествующемъ стихѣ: *благодть Божія къ покаянію тя ведетъ*. Симв послѣднимъ выраженіемъ въ противоположность первому внушается та мысль, что Богъ Самъ въ Себѣ или сколько отъ Него Самого зависитъ, есть всегда Отецъ людей, долготерпѣливый, кроткій, благой—и самихъ грѣшниковъ призывающій или ведущій къ покаянію и спасенію; а выраженіемъ: *собираеши себѣ гнѣвъ Божій* внушается то, что, не переставая быть такимъ, Господь Богъ относительно пренебрегающихъ Его благодтію и вераскаянныхъ—является Судіей осуждающимъ, отвергающимъ и карающимъ ихъ—по собственной ихъ винѣ, того требующей отъ Его правды. Такъ Отецъ всегда стремящійся своею любовію обнять дѣтей, и готовый принять въ свои объятія са-